

М. Соколов

**Старо-русские солнечные
боги и богини**

**Историко-этнографическое
исследование**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Соколов**
Старо-русские солнечные боги и богини: Историко-этнографическое исследование / М. Соколов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 180 с.

ISBN 978-5-458-24751-1

Автор книги Михаил Евгеньевич Соколов фольклорист, автор пособий по философии, воспитанник Казанской духовной академии. Его труды: «Краткая история философии» (ib., 1889), «Введение в философию» (Петровск, 1894), «Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губ.» (Петровск, 1896), «Великорусские свадебные песни и причитания, записанные в Саратовской губ.» (Саратов, 1898). Содержание книги: 1. Древне-русский солнечный культ. Историческое обозрение. 2. Солнце. 3. Хорс и Хрос. 4. Ярило и Яровица. Коструб=Кострубенько и Кострома. Страница из славяно-русской мифологии и этологии. 5. Чурила и Чурилья. Журило и Дженджриха. 6. Лад=Ладо и Лада. Лель и Ляля. 7. Солнечные праздники. 8. Заключение.

ISBN 978-5-458-24751-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стави кумиры на холму въ дворъ теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усть златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарыгla, и Мокошь“ (Лаврент. л. подъ 980 г.). При чтеніи этихъ словъ лѣтописи невольно бросается въ глаза то самое обстоятельство, что лѣтописецъ сравнительно очень много говорить о Перунѣ, описываетъ мелкія подробности его идола,— между тѣмъ тотъ-же самый лѣтописецъ, когда дѣло идетъ о другихъ богахъ, едва удостоиваетъ ихъ той небольшой доли вниманія, чтобы передать хотя-бы ихъ имена, на первый разъ вообще довольно странныя и, за исключеніемъ одного только Дажьбога, вообще непонятныя для современаго русскаго человѣка.

Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: обычное мнѣніе о главенствѣ Перуна на русскомъ Олимпѣ не совсѣмъ не справедливо, или, лучше сказать, совсѣмъ справедливо.

Но хотя въ историческую эпоху русскаго язычества Перунъ былъ главнымъ, первенствующимъ богомъ, тѣмъ не менѣе онъ вообще далеко не пользовался симпатіями славяно-русскаго народа. Онъ былъ слишкомъ уже грознымъ, своими громовыми стрѣлами онъ равнозразилъ какъ праваго, такъ и виноватаго; самый громъ, который олицетворялся въ Перунѣ, былъ символомъ, предвѣстiemъ несчастья. Не даромъ и теперь еще въ числѣ свадебныхъ примѣтъ мы находимъ такую: „Въ день вѣнчанія ясная погода знаменуетъ счастливую жизнь, дождь—богатство, громъ—несчастіе (Воронежскій литерат. сборникъ. Вып. 1-й, 390 стр.) Кромѣ того Перунъ потому уже не могъ привлечь къ себѣ вниманія русскихъ язычниковъ, что громъ и молнія, т. е. тѣ небесныя явленія, въ которыхъ онъ проявлялъ свою силу и могущество, вообще мимолетны, быстро появляются и еще скорѣе исчезаютъ. Въ этомъ отно-

шении много выигрывало предъ Перуномъ свѣтлое, пресвѣтлое солнышко. Всѣмъ нужное, всѣхъ радующее оно, казалось, не боялось враждебныхъ силъ мрака и злобы; и думалось русскому язычнику: нѣтъ, не одолѣть врагамъ (небеснымъ змѣямъ) наше солнышко. Эту вѣру народъ выразилъ въ загадкѣ: „Што въ ящицѣ не запереть?“ Въ отгадкѣ разумѣется солнце (Пермскій сборникъ, кн. 1, отд. II, 129 стр.). Такимъ образомъ Перунъ не пользовался, или не владѣлъ тѣми выгодами положенья, которыя располагали русскій народъ въ пользу солнца. Потому-то и народъ вообще худо помнить Перуна; это обстоятельство какъ-будто подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые считали Перуна не русскимъ, а варяжско-норманскимъ богомъ, славянлизированнымъ Торомъ (М. П. Погодинъ, г. Шеппингъ, Янъ Эразмъ Вопель). Тѣмъ не менѣе догадка этихъ изслѣдователей не имѣеть прочныхъ основаній: впервыхъ она требуетъ признать полу-сказочный разсказъ лѣтописи о призваніи варяжскихъ князей за историческій фактъ, что слишкомъ уже со-мнительно, что-бы ни говорили рьяные норманисты; во вторыхъ-же—и это самое главное—народъ, хотя и худо помнить о Перунѣ, но всетаки не забылъ его окончательно (белоруссы и отчасти малоруссы).

Чѣмъ менѣшимъ значенiemъ и любовью пользовался громовержецъ Перунъ, тѣмъ болѣе и ярче возвышался образъ милостиваго подателя всякихъ благъ, пресвѣтлаго солнца. Солнце (Дажьбогъ) было силою, ожи-вляющею всю природу, оно возбуждало или возжигало жизнь въ растеніяхъ, животныхъ и людяхъ. Но солнце (Дажьбогъ) не было только покровителемъ и благодѣ-телемъ русского народа; потому-то оно и благоволило къ нему, потому-то оно и было глубоко уважаемо на Руси, что было соединено кровнымъ родствомъ со всѣмъ

славяно-русскимъ народомъ. Русскій народъ съ незапамятныхъ временъ считался внукомъ Даждь-бога (солнца). „Тогда при Олзѣ Гориславличи“, читаемъ мы въ словѣ о полку Игоревѣ, „сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-божа внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣпи человѣкомъ сократиша“. Обращаемъ внимание на взаимную связь и ходъ мыслей пѣвца знаменитаго слова. Пѣвецъ указываетъ на горькую, несчастную жизнь Даждь-божа внука и далѣе поясняетъ, что несчастное положенье Даждь-божа внука, или, что тоже, сокращеніе вѣковъ человѣческихъ (а не княжескихъ) зависитъ отъ княжескихъ междоусобий (удѣльного нестроенія). Ясно, что подъ Даждь-божимъ внукомъ разумѣется весь русскій народъ, а не родъ только русскихъ князей, какъ думается некоторымъ изслѣдователямъ. Мы разумѣемъ И. Срезневскаго. „Подъ именемъ внука Даждь-бога“, говоритъ г. Срезневскій, „я понимаю Владимира, известнаго и въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ подъ именемъ „Краснаго солнышка“. (Объ обожаніи солнца у древн. слав. 16 стр.). Но впервыхъ выраженіе „Красное солнышко“ есть просто ласкательное прозвище любимаго князя, и нужно быть слишкомъ уже увлекающимся миѳологомъ, чтобы, подобно г. Срезневскому, въ другихъ случаяхъ очень трезвому изслѣдователю, или въ новѣйшее время Л. Воеводскому (Запис. импер. новоросс. универс. 1880 г. Т. 30, 460 стр.),—видѣть въ этомъ прозвищѣ отголосокъ народныхъ миѳологическихъ преданий. Вовторыхъ—и это едва ли не самое главное—солнышкомъ, краснымъ солнышкомъ называется не одинъ только князь Владимиръ, но и вообще любимый человѣкъ. Въ народныхъ пѣсняхъ название солнышка поочередно носятъ хозяинъ или хозяйка въ дому, женихъ или невѣста. Такъ въ одной свадебной костром-

ской пѣснѣ невѣста называетъ отца обогрѣвнымъ, краснымъ солнышкомъ. „Только свѣтъ мой кормилецъ батюшка, мое красное солнышко, мое лѣтнее, теплое, ты мое обогрѣвное (Москвитянинъ 1855 г. апр. кн. 1, № 7, 113 стр.)“. Отсюда мы заключаемъ, что, если уже нужно видѣть въ прозвищѣ князя Владимира указанье на то, что онъ (красное солнышко—Владиміръ) считался потомкомъ, внукомъ Даждь-бога, тоже самое нужно думать и о каждомъ русскомъ, который, какъ хозяинъ въ дому, отецъ семейства, или женихъ, также называется краснымъ солнышкомъ; тоже нужно сказать и о каждой русской: матери семейства, или красной дѣвицѣ-невѣстѣ, и онѣ происходятъ изъ рода Даждь-бога, потому что народная пѣсня каждую изъ нихъ величаетъ краснымъ солнышкомъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ посль неправильныхъ догадокъ г. Срезневского и предполагаемыхъ выводовъ, вытекающихъ изъ его положенья, мы опять приходимъ къ обычному мнѣнію, что подъ Даждь-божимъ внукомъ слѣдуетъ разумѣть весь русскій народъ (Истор. русск. слов. И. Порfir. ч. 1, стр. 24).

Вслѣдствіе особенной симпатичности солнечныхъ боговъ, а также ихъ родства съ славяно-русскимъ народомъ, солнечный культъ сравнительно вообще довольно ярко опредѣлился на Руси; по той же самой причинѣ, какъ мы думаемъ вопреки г. Шеппингу и Бѣляеву, до сихъ поръ въ простомъ народѣ сохранились почти всѣ имена главныхъ исторически—извѣстныхъ солнечныхъ боговъ (а не русалокъ только, домовыхъ и лѣшихъ); всѣ современные полуязыческіе обряды русского народа также врашаются около поклоненія солнцу (Нижегор. епарх. вѣд. 1865 г., № 18, 24 стр.). Въ виду особенного значенія русскихъ солнечныхъ боговъ и ихъ близости къ человѣку, мы пе-

реходимъ къ историческому обзору солнечнаго культа; постараемся обрисовать образъ и выяснить характеръ русскихъ солнечныхъ боговъ, обратимъ вниманіе на историческое развитіе солнечнаго культа, его видоизмѣненіе и забвенье характерныхъ чертъ его.

Хърсь, или Хръсъ, Хорсъ (осетинско-персидское хурръ, хуръ-солнце) былъ богомъ солнца; въ знакъ особенного уваженія и почтенія его называли великимъ Хорсомъ. Объ немъ говорить слово о полку Игоревѣ въ слѣдующихъ эпическихъ выраженіяхъ: „Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хръсови влькомъ путь прерыскаше“. Мы видимъ замѣчательную картину состязанья смертнаго въ бѣгѣ съ самимъ солнцемъ. Волкодлакъ Всеславъ, какъ славянинъ и русскій, не боится боговъ, не признаетъ какой-нибудь судьбы, грозной для человѣка, и смѣло выступаетъ какъ-бы въ состязаніе съ великимъ Хорсомъ; и дѣйствительно вѣщему князю удается предупредить Хорса: прежде нежели успѣлъ подняться Хорсъ-солнце, чтобы принять вызовъ, Всеславъ былъ уже въ Тмутаракани (ср. Ж. М. Н. Пр., 1841 годъ, часть XXIX, IV, 34 стр. П. Прейсъ). Это состязаніе Всеслава съ Хорсомъ-солнцемъ можно сопоставить съ подобнымъ же известнымъ состязаніемъ болгарскаго юнака. Похвалился юнакъ, что онъ имѣетъ быстрого коня и съ нимъ обгонитъ самое солнце. Солнце оскорбляется и принимаетъ вызовъ. При помощи быстрого коня и солнцевой сестрицы юнакъ дѣйствительно обгоняетъ солнце и по условію въ награду получаетъ солнцеву сестру. (Временникъ, 1855 г. XXII книга, 5—10).

Въ XIV и XV вѣкахъ повидимому еще не забыли Хорса; по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ

слова иѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ:... „и вѣрують въ перуна и въ хорса (Лѣтоп. рус. литер. Н. Тихонравова, т. IV, отд. III, 89, 92, 94). Правда, можно предположить, что ревнитель по правой вѣрѣ знаетъ Хорса по книгамъ и такимъ образомъ вооружается противъ давно изчезнувшаго идолопоклонства, что нерѣдко случалось съ древне-русскими книжниками; однако другое слово св. Григорія не оставляетъ въ насъ ни малѣшаго сомнѣнія. Въ этомъ словѣ категорически констатируется фактъ современаго идолопоклонства по русскимъ украинамъ: „но и ноне по украинамъ молятся ему проклятому богу церуну и хорсу.... (Jbidem. т. IV, 97 стр.) Въ концѣ XVI вѣка, или началѣ XVII существовало еще сбивчивое, туманное понятіе о Хорсѣ, насколько можно заключать изъ апокрифической бесѣды трехъ святителей. Въ этой бесѣдѣ на вопросъ, отчего сотворенъ былъ громъ, св. Василій отвѣчаетъ: „Два ангела громная есть: елленскій старецъ Перунъ и Хорсъ (вар. Нахоръ) жидовинъ—два еста ангела молніина (Щаповъ, Русск. раск. старообр., 454; Правосл. Собес. 1861, ч. 1, 252; Аѳан. Поэт. воззр., т. 1, 250)“. Съ первого же раза бросается въ глаза незнанье книжникомъ русской языческой религіи; не говоримъ о томъ, что неизвѣстный книжникъ превратилъ языческихъ боговъ въ ангеловъ; можно пожалуй помириться съ тѣмъ, что Перунъ является предъ нами въ видѣ ангела молніи, завѣдующаго молніей (здѣсь еще не такъ видна деградація языческаго сознанья),—но за то каждому понятно, что нельзя назвать молніеноноснымъ ангеломъ Хорса, потому что онъ былъ не громовникомъ у русскихъ язычниковъ, а солнечнымъ богомъ. Замѣчательно, что неизвѣстный книжникъ называетъ Хорса жидовиномъ,—такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Хорса упоминается

Нахоръ, то можно предположить, что Хорсъ называется жи́довиномъ потому, что смы́шиваются съ библейскимъ Нахоромъ, который дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ жи́довинъ. Въ доказательство естественности нашего предположенія можемъ сослаться на Никоновскую лѣтопись, где также вмѣсто Лята, сына Свѣнельдова, неожиданно выступаетъ библейскій Лотъ. (П. С. Р. Л., т. IX) Во всякомъ случаѣ свидѣтельство апокрифической бесѣды трехъ святителей о Хорсѣ очень темное и спутанное; а потому на основаніи его нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о происхожденіи культа Хорса.— Между тѣмъ всетаки находятся изслѣдователи, которые видятъ въ этомъ свидѣтельствѣ подтвержденіе своихъaprіорныхъ предположеній о чужеземномъ происхожденіи Хорса. Такъ напр. И. Забѣлинъ, задумываясь надъ тѣмъ, что Хорсъ называется жи́довиномъ, говорить намъ слѣдующее: „Это (жи́довство Хорса) подаетъ намекъ на самое мѣсто, где существовало поклоненіе Хорсу, именно у Хозаръ, перешедшихъ потомъ въ Моисеевъ законъ и оттого извѣстныхъ больше подъ именемъ жи́довъ Хозарскихъ. (Истор. русск. жизни И. Забѣлина ч. II, 291 стр.)“. Но если слѣдовать подобному пріему въ наукѣ, то пожалуй придется признать татарско-магометанское происхожденіе того же самого Хорса, или Перуна, потому что въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ и тотъ и другой признаются татарскими богами. „Мамай же царь видѣвъ напрасно своихъ побиваемыхъ и нача призывать боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Раклія, Гурса (Хорса) и великаго своего помощника Ахмета. (Сказ. русск. нар. И. Сахарова, т. 1, кн. IV, 80 стр.). Въ настоящее время темное преданіе о Хорсѣ повидимому сохраняется въ лицѣ зловѣщаго Каракуна, злого бoga скотскаго падежа. И при томъ изъ всѣхъ русскихъ племенъ

болѣе всего помнятъ и знаютъ Карачуна карпато-русы (Русс. простонар. праздн. И. Снегирева, вып. 1, 139 стр.; Зап. импер. рус. геогр. общ. по отд. этнограф. т. VII, 321.).

Дажьбогъ, Дажбогъ, (Лаврент., Ипатск., Архангелогород. сп.; Густинск. л.)=даже Богъ (Радзивиловск. сп.)=Дажба (Воскресенск., Никоновск., Софійск. врем., Софійск. 1-я лѣт., Тверск., Русск. врем., Степен. кн.). =Дажбъ (Больш. Макарьевск. мин.)=Дажбу богъ (Кенигсбергск. сп., И. Стриттеръ)=Дашуба или Дождь. (Подробн. лѣтоп., Иннокент. Гизель)=Даждь-богъ (Слово о полку Игор.) былъ богомъ солнца,—народъ называлъ его царемъ—Солнцемъ. Объ этомъ мы знаемъ не изъ филологическихъ умствованій и произвольныхъ сближеній, а изъ словъ Ипатьевской лѣтописи: „И посемъ (Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричуютъ Дажьбоցъ... Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ... (П. С. Р. Л., Т. II, 5 стр)“ Смыслъ слова „Дажьбогъ“ различные изслѣдователи объясняли различно. Ф. Эминъ повидимому производить Дажьбога отъ дождя. „Дожбогъ“, говоритъ онъ, „былъ у нихъ (русскихъ язычниковъ) богъ дождя, и въ нуждѣ... сему идолу покланялись (Росс. ист. Федор. Эмина, т. I, 283—284)“. Нѣтъ ничего новаго подъ луною: въ сравнительно недавнее время мнѣніе Фед. Эмина повторилъ Макушевъ, приравнивающій русскаго Дажьбога къ италійскому дождевому Юпитеру (*Jupiter pluvius*. О происхожденіи сл. Даждьбогъ). Конечно такое мнѣніе произвольно и не нуждается въ опроверженіи. Но не менѣе произвольно поступали и другіе изслѣдователи. Мы имѣемъ въ виду А. Аѳанасьевъ и Н. И. Карѣева. Г. Аѳанасьевъ въ Даждьбогѣ усматриваетъ слово, производное отъ корня даждь-свѣтъ, свѣтлый. „Слово даждь (Даждь-богъ) есть

прилагательное отъ дагъ (готск. *dags*, нѣмец. *tag*, санскр. *ahan* вмѣсто *dahan*)=день, свѣтъ, родствен-наго съ санскр. корнемъ *dah*—жечь, и литовск. глаголомъ *degi*—горю (Поэт. возэр., т. I, 65)“. Къ мнѣнию г. Аѳанасьева довольно близко подходитъ Н. Карбевъ. По его словамъ „Дажьбога можно сблизить съ веди-ческимъ наименованіемъ зари—*Dahana* (Филолог. зап 1872, вып. V, 58 стр.)“. Мы не увлекаемся догадками Гриммовскихъ послѣдователей и держимся болѣе про-стого словопроизводства (нѣкогда обычнаго въ русской наукѣ); по нашему мнѣнию слово Дажь-богъ, или Даждь-богъ—сложно изъ „дать, даждь (дай)“ и „богъ“ и означаетъ бога, подателя всякихъ благъ. Прежде всего сошлемся на факты народнаго словоупотребленія. „Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Росс. доселѣ говорять: Дажба, вмѣсто: далъ бы Богъ (Русск. простонар. празд. И. Снегир., вып. IV, 189)“. Въ новгор. г., череп. уѣзда, говорятъ также: „Полно тосковать, Дажь-Богъ (дасть богъ) все минеть“, или „Покучись Дажь-Богу (Богу-подателю), управить понемногу (Вѣстн. Европы 1878 г., октябрь, т. V, 810 стр.)“. Конечно намъ могутъ возра-зить, что народное словоупотребленіе ровно ничего не доказываетъ, что оно позднѣйшаго происхожденія и явилось тогда, когда народъ забылъ древнѣйшее миѳическое значеніе Дажьбога. Предупреждая возра-женіе, мы приведемъ косвенные доказательства той мысли, что слово „Дажьбогъ“ никогда не имѣло дру-гаго значенія, какъ только бога-подателя. Мы обра-щаемъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: слово „Дажьбогъ“ имѣетъ связь съ древне-русскимъ именемъ Богданъ (Богдай, какъ Рогдай); есть на Руси геогра-фическія названія мѣстностей, получившихъ свое имя отъ Дажьбога, какъ напр.: Дацьбоги (Дадзибоги) въ Мазовішѣ, Даждьбогъ въ мосальск. уѣздѣ,—въ парал-

дель съ приведенными мѣстностями можно сопоставить Богдаево (Тверск. губ. Весь...г...у.) и Божедаевку (Херс. г. Алекс. у.). Для всякаго очевидно, что слово „Дажьбогъ“ предполагаетъ другое „Богданъ“, равныиъ образомъ „Дацьбоги“ по смыслу тоже, что Богдаево; здѣсь произошла перестановка составныхъ частей, изъ которыхъ слагается слово, какъ это нерѣдко случается въ простонародномъ говорѣ, напр. великорусс. медвѣдь и малорусск. вѣдмѣдь. А потому довольно странно по-просту объяснять слова „Богданъ“ и „Богдаево“ и въ тоже время видѣть таинственно-миѳический смыслъ въ подобныхъ же выше-приведеннымъ выраженіяхъ „Дажьбогъ“ и „Дацьбоги“ (ср. Русск. простон. празд., вып. I, 18; Поэт. воззр. т. I, 65; Вѣсты Европы 1878, т. V, 810). Словомъ имя солнечнаго бога „Дажьбогъ“ указывало только на одну черту его личности, какъ бога подателя; при этомъ Дажьбогъ, какъ источникъ всякаго благополучія, являлся чѣмъ то въ родѣ добрая чувашскаго бога „Тора“. Будучи внукомъ Дажьбога и слѣдовательно находясь съ нимъ какъ-бы въ родствѣ, сознавая, что милостивый Дажьбогъ дастъ все, что у него ни попросишь, русскій народъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Это довольство своимъ жребиемъ или судбою выразилось въ древне-русской пословицѣ: „Бѣденъ бѣсь, что у него бога нѣтъ. (Памятн. древн. письменности 1880 г. вып. IV, 78)“. Смыслъ пословицы какъ бы такой: человѣку не для чего отчаяваться и жаловаться на свою горькую долю, у него есть богъ, который всегда можетъ осчастливить, или обогатить его; зачѣмъ особенно печалиться: вѣдь человѣкъ — не бѣсь (духъ мрака), который, какъ не имѣющій бога, обреченъ на вѣчную нищету и бѣдность.

Уяснивши себѣ хотя бы одну черту въ характерѣ Дажьбога, мы снова возвращаемся къ истолкованью